

Вопрос, вынесенный в заголовок этих заметок, волнует не только российских историков. Им озабочены больше, чем когда бы то ни было специалисты самых разных стран. Принятые способы историописания все чаще вызывают сегодня критику. Им противопоставляются новые парадигмы, в свою очередь вызывающие споры(1). Дискуссии в этой области – в какой бы стране мира они ни происходили – не могут не привлекать самого пристального внимания.

Такое внимание удваивается, когда речь идет о дискуссиях во Франции, стране, с которой нас связывают не только давние научные контакты, но которая сыграла в заканчивающемся столетии совершенно особую роль в преобразовании мировой исторической науки. Именно с Франции началась так называемая “коперникианская революция” в историографии (кто не знает сегодня имена Марка Блока и Люсьена Февра?...), приведшая к смене истории “рассказывающей” историей интерпретирующей, с ее акцентом на познавательных функциях самого исследователя; именно здесь действует знаменитая школа “Анналов”, наложившая отпечаток на подходы историков всего мира и ставшая в связи с этим одним из главных катализаторов интернационализации исторической науки XX в. (2); и именно здесь уже с начала этого столетия была поднята одна из самых “больных” проблем исторического знания – как соотносить изучение единичного и массового(3), или – в эпистемологической постановке наших дней – как сочетать микро и макро подходы при изучении прошлого. Не удивительно, что, готовясь к конференции по этой последней проблеме (Институт всеобщей истории РАН, октябрь 1998г.), я обратился прежде всего к опыту французской историографии.

Хронологические рамки анализа- 1994-1997 - были мною избраны с расчетом учесть самые последние тенденции, но без того, чтобы априорно считать это четырехлетие каким-либо особым этапом. Вдумываясь в содержание методологических подходов в эти годы, я хотел бы прежде всего уяснить вектор развития французской исторической науки, осмыслить, как изменяются в ней приемы историописания, что нового предполагают они в понимании микро и макро-анализа и в какой мере составляют собственно французскую специфику. Мне хотелось бы задуматься и над тем, чем может обогатить российских историков, взыскующих нового в историческом познании, ознакомление с этой историографией.

Едва ли не самая заметная особенность современной французской историографии, довольно единодушно отмечаемая самыми разными ее представителями, - осознанный отход от недавней приверженности к так называемому "мета-дискурсу", предполагавшему широкие синтетические построения и глобальные объяснительные схемы(4). Разные исследователи относятся к этому факту по-разному - одни с возмущением (историки марксистской ориентации), другие - с энтузиазмом (исследователи позитивистского толка), третьи - "философски" : "всему свое время". В то же время почти все отмечают продуктивность интенсификации конкретного анализа источников, расширения круга привлекаемых памятников и поиска новых способов их осмысления. "Настало время здорового скептицизма и ревизии существующих представлений о прошлом" - так резюмировал нынешнюю ситуацию в беседе со мной в июле 1997 г. видный французский медиевист Доминик Иньо-Пра(5).

С акцентом на конкретных исследованиях связана тенденция к первоочередному изучению относительно ограниченных по временному и пространственному протяжению ситуаций прошлого. В ряде теоретических работ последних лет историков прямо призывают сосредоточить первоочередное внимание не на "структурах большой длительности" (идеологических, культурных, ментальных или экономических), но на социальной практике конкретных "действующих лиц"

истории - будь-то "рядовых" или "великих", т.е. на том, как в каждый данный момент воспринимаются и реализуются этими *acteurs* импульсы, полученные из глобальных структур(6). В центр внимания предлагается таким образом поставить не эти структуры, но их индивидуальную интерпретацию, иначе говоря, - не надличностные силы, но *отдельных индивидов*, со всеми присущими каждому из них особенностями. При этом познавательная ценность интегративного знания о прошлом не ставится под сомнение, хотя возможность его обретения отодвигается в не слишком определенное будущее.

Отсюда - тяга к "микро-истории". Смысл этого направления разные историки понимают далеко не однозначно(7). В сегодняшней Франции под ним обычно подразумевают углубленное крупно-масштабное исследование, отличающееся по характеру используемых источников, по методике и по самому предмету анализа(8). Речь идет о привлечении памятников, способных сообщить максимум данных о сравнительно небольшом сюжете или объекте (об отдельном событии или казусе, о небольшой социальной группе или отдельном персонаже, о каком-либо поступке, обратившем на себя внимание окружающих и т.п.); на первом плане оказываются следовательно не сериальные источники, но казуальные. Ближайшая цель их изучения - не в воспроизведении панорамы явлений или процессов, но в осмыслении поведения одного или группы индивидов или же в переосмыслении какого-либо одного конкретного события; отправным пунктом анализа выступает не социальный контекст, но своеобразие отдельных *acteurs*, специфические обстоятельства их функционирования, конкретика их социальных взаимосвязей и, главное, - наиболее вероятные мотивы их действий. Не случайно, одним из весьма часто используемых во французских методологических работах стало понятие "экспериментального опыта", "эксперимента", который историк "ставит", исследуя ту или иную конкретную ситуацию; результаты разных таких опытов могут и совпасть, но каждый из них самоценен(9).

Впрочем, свидетельств открытого перехода на позиции микроистории в современной французской историографии не так уж много.

Призывы к нему со стороны некоторых историков-"анналистов" (имеющих подобное изменение ракурса исторических исследований поворотом к изучению "прагматических ситуаций", в которых в каждый данный момент находились те или иные индивиды, - или, сокращенно, "прагматическим поворотом") (10), находят отклик не так уж часто. Учитывая общее падение влияния научных школ и индивидуализацию исторических исследований, удивляться этому не приходится.

Более неожиданно подспудное изменение в подходах многих - если не большинства - французских историков, совпадающее по общему вектору с микроисторией и - шире - с акцентом на социальной практике конкретных микрогрупп и составлявших их индивидов (а не на глобальных структурах). Этот сдвиг не всегда заметен; его нередко заслоняют иные тенденции; самое его существование далеко не всем очевидно. Однако на мой взгляд, о нем свидетельствует как судьба широко известных в прошлом французских школ - исторической антропологии, исторической демографии, социальной истории-, так и своеобразие научных течений, формирующихся в наши дни. Остановлюсь на всем этом подробнее.

О французском историко-антропологическом подходе у нас не раз писали(11). В нем справедливо видят выражение ряда коренных установок школы "Анналов" и особенно таких ее представителей как Марк Блок, Жак Легофф, Жорж Дюби, Эммануэль Леруа-Ладюри. Главное в этом подходе то, что он нацелен на изучение групповых представлений об окружающем человека мире и обществе, и его важнейшая задача - понять своеобразие человеческого восприятия и поведения в масштабах того или иного общества в целом, или в рамках какой-либо социальной группы(12). Достижения сторонников этого подхода общеизвестны.

Меньше знают у нас о том, что уже с начала 80-х годов историко-антропологический подход как таковой и многие его основатели стали объектом нарастающей критики. Наиболее определенно высказывалась неудовлетворенность детерминистскими элементами этого подхода, с его акцентом на том, что *предписывалось* в том или ином

обществе восприятию и поведению членов данной социальной группы, а не на том, как эти "предписания" реализовывались в индивидуальной практике(13). Довольно резко критиковалась и маргинальность сюжетов в ряде историко-антропологических работ, и преобладание синхронического анализа над диахроническим(14).

Критический накал устных дискуссий бывал нередко еще большим, чем в публикациях, так что не приходится удивляться резкому падению престижа исторической антропологии во Франции 90-х годов. Как заметил в мае 1997 г. Морис Эмар -руководитель Дома наук о человеке в Париже- "историческая антропология перестала (или перестает) использоваться французскими историками в качестве самоидентификации своей специализации (хотя ее продолжают преподавать, по ней сдают экзамены, а некоторые характерные для нее аналитические приемы, вошли в золотой фонд науки)". По словам Доминика Иньо-Пра, "лучшая историческая антропология - та, которая не называет себя этим именем и не грохочет колоколами в знак своего величия, но зато интегрирует в себе разные ветви исторического анализа, объединяя их акцентом на исследовании непосредственных истоков человеческого поведения"(15). В этих высказываниях зафиксирована весьма характерная тенденция, подтверждающаяся научной практикой абсолютного большинства исторических институтов и журналов. (Едва ли не единственное исключение - Группа по исторической антропологии, возглавляемая Жаком Легоффом и Жаном-Клодом Шмиттом в парижской Школе высших социальных исследований). Можно было бы поэтому говорить о достаточно определившемся стремлении к пересмотру прежних позиций исторической антропологии.

Насколько изменилось отношение к этому направлению, видно в частности из того, что его порой противопоставляют микро-истории. Последнюю считают более продуктивной, поскольку она предполагает уяснение конкретных взаимосвязей исследуемого феномена с социальным контекстом данного времени; в отличие от этого, с классическим историко-антропологическим исследованием связывают акцент преимущественно на анализе структурных-вневременных-зависимос-

тей (16). Таким образом, неудовлетворенность исторической антропологией может аргументироваться ее недостаточным вниманием к социальной практике, к конкретным (индивидуальным!) формам реализации антропологических стереотипов.

Несколько иной, по сравнению с исторической антропологией, хотя и в чем-то и сходной оказалась судьба еще одной широко известной французской школы - исторической демографии. О ней у нас тоже уже писали (17) и я ограничусь напоминанием лишь главного. Важнейшей предпосылкой историко-демографического бума во Франции 60-70-х годов можно было бы считать то, что демографические исследования того времени позволяли перенести внимание на "человеческую составляющую" исторических процессов. Не надличностные силы, но экзистенциальные проблемы высшего порядка - проблемы жизни, смерти, брака, деторождения и т. п. - становились главными в осмыслении прошлого; при этом они решались на массовом, хорошо верифицируемом статистическом материале, что позволяло с невиданной никогда прежде ясностью выявлять различия в демографическом поведении семей разного имущественного и социального статуса и в разные по экономическому тренду периоды. Эта тесная связь собственно демографических аспектов (таких как возраст вступления в брак, численность выживших детей, женская плодовитость, время "остановки" в деторождении, доля в обществе холостяков, соотношение молодежи и стариков и т. п.) с социально-экономической динамикой придавала исторической демографии характер интегративной дисциплины, вторгающейся к тому же в самые интимные сферы человеческого поведения.

В духе времени французская историческая демография 60-70-х годов не была свободна ни от детерминистских, ни от эволюционистских подходов; особенно это касалось представлений о прямой связи социального прогресса с демографическим ростом и изменением семейных форм от более простых к более сложным. Столь же характерным было тогда и сосредоточение внимания на массовом демографическом поведении при большем или меньшем игнорировании всего

личностного и индивидуального.

Неудивительно, что уже в 80-е годы интерес к этой исторической демографии во Франции стал заметно сокращаться. (Сказалось кроме того и изменение в институциональном статусе этой дисциплины). Он еще более уменьшился по мере нарастания тенденции к узко специализированному демографическому анализу, приведшей к расколу на сторонников такой изоляции и ее противников (18). Когда же в середине 90-х годов стало намечаться возрождение интереса к историко-демографическим студиям, в них стали видеть - в отличие от прошлого - форму обновленной демографической истории, ставящей в центр своих интересов историю семьи и демографическое поведение разных ее членов в конкретных жизненных ситуациях (19). Серьезная внутренняя перестройка и длительный кризис французской исторической демографии привели таким образом к сдвигу в ее ориентирах в сторону исследования повседневной социальной практики, а не одних только массовых процессов.

Глубокий кризис пережила в 70-90-ые годы французская школа социальной истории. Это направление, составлявшее когда-то славу и гордость французской историографии, традиционно основывалось на взаимосвязанном анализе массовых социально-экономических процессов и социальной (классовой) структуры. Однако в последние десятилетия оно стало едва ли не главным объектом критики всех тех, кто был неудовлетворен смещением интереса историков от особенного к всеобщему, от конкретного человека к обстоятельствам его деятельности, от вариативности истории к ее "главной магистрали". Неудовлетворенность этой школой вызывали и ее слишком прямолинейный функционализм в истолковании прошлого, и ее монизм, и чрезмерный сциентизм (20)

Неслучайно современные французские исследователи вводят - в противовес традиционному названию этой школы - понятие "*другой социальной истории*". Главное ее отличие, говоря словами Бернара Лепти, одного из инициаторов ее разработки, в изменении предмета исследования. В рамках этой новой социальной истории общество

рассматривается не как совокупность "структур большой длительности" (экономических, идеологических, ментальных и т. д.), — что было характерно для прежней школы — но как "продукт взаимодействия участников общественных процессов", как "социальная практика действующих в этих процессах лиц" (acteurs); иными словами, общество предлагается изучать не через посредство таких обобщенных характеристик, как экономика, идеология, ментальность, но через прямое наблюдение над взаимодействием субъектов исторических процессов, складывавшемся в каждой "прагматической ситуации" (21). К преимуществам такого подхода относят возможность поставить в центр внимания конкретных индивидов (или их группы) и постоянно меняющиеся (а не статичные) ситуации; кроме того, предполагается что при данном подходе глобальные общественные структуры (экономику, политический строй, идеологию) удастся исследовать не абстрактно, но через их воздействие на конкретных субъектов, способных преобразовывать их импульсы сугубо индивидуально.

Как видим, в судьбах широко известных в прошлом французских историографических школ обнаруживается ряд сходных изменений. Познавательный акцент переносится с изучения магистральных путей исторического развития на его конкретное многообразие. Преимущественное значение придается не тем возможностям или установлениям, которые создаются глобальными структурами как таковыми, но тому как эти возможности и установления интерпретируются в социальной практике отдельных ее участников. Детерминистские идеи предопределенности социального поведения отвергаются еще с большей силой, чем когда бы то ни было раньше; вместо этого внимание переносится на то, каким образом формируются решения конкретных членов социальных групп. Соответственно всему этому объект исторических исследований как бы "умельчается", а масштаб его анализа укрупняется. С очевидностью выступает акцент на осмыслении того, какое воздействие способен оказать индивид на ход исторических процессов в тех или иных конкретных условиях.

Трудно не заметить во всем этом переключки с теми установка-

ми, которые характерны для французских методологов микро-истории и, вообще, для большинства сегодняшних критиков сериальной истории — той, что была сосредоточена на объектном анализе общих закономерностей и глобальных структур. Но для понимания современного облика французской историографии быть может еще более поучительно, что эти же методологические тенденции находят отзвук и в научных течениях, формирующихся и развивающихся в самые последние годы.

Это касается в частности так называемой *Histoire Culturelle*. Она претендует на разрыв со многими предшествующими традициями в изучении культуры. В центре ее внимания не обособленная "духовная культура" (как в начале прошлого века), и не "материальная культура" (как в конце прошлого и в начале нашего столетия). Новая "культуральная история" (такой перевод названия этого направления представляется мне предпочтительным) порывает и с семиотическим подходом, не приемля свойственное ему абсолютизирование знака как такового, (и параллельное абстрагирование от антитезы духовного и материального, индивидуального и массового). Некоторые сторонники этого нового течения прямо заявляют, что их цель — преодолеть оппозицию семиотического и материалистического ("прагматического") взглядов на окружающий мир и увидеть в нем совокупность объектов, каждый из которых сочленяет в себе элементы означающей его индивидуальной формы и формирующей его материальной функции: такие "семиофоры" — представляются главным объектом историко-культурального анализа, ориентирующего исследователя на то, чтобы соединить изучение, с одной стороны, конкретно "видимого", с другой — "невидимого", с одной стороны, неповторимо образного, с другой — объектного, с одной стороны, сиюминутного, с другой — предшествующего (22).

Но и те, кто не использует понятие семиофоров, рассматривают сочлененность (и нераздельность) социального и культурального как важнейшую познавательную особенность любого исторического объекта. Эту установку можно было бы считать до некоторой степени ба-

нальной, если бы она подразумевала лишь признание за всеми историческими явлениями определенного культурного смысла. Однако особенность нового течения в том, что, не ограничиваясь подобными общими констатациями, его сторонники считают своей важнейшей задачей осмысление различий в культурной самоидентификации социальных групп и составляющих их индивидов. Как пишет один из представителей этого направления, всякая культура есть культура некоей группы; она уясняется через анализ различий между культурными предпочтениями разных групп; формируется же она в процессе общения между индивидами, входящими в данную группу и на основе осознанной или неосознанной интерпретации ими их собственного жизненного опыта; именно культурный субстрат - а не социальное членение - рассматривается здесь как исходный, отправной пункт для исторического познания (23). Его основным предметом выступает ничто иное как "исторически прописанный ментальный опыт" (24).

Налицо - характерный сдвиг в понимании сторонниками этого течения сути исторического анализа. В тексте источников, историку предлагается искать не отраженную в нем "за-текстовую реальность", но внутритекстовую единичность словоупотребления: в ней раскрывается своеобразие представлений, свойственных в данный момент данной социальной группе (или входящим в нее отдельным индивидам) (25). Индивид далеко не обязательно выступает при этом лишь как пассивный исполнитель групповых норм; он и сам активно участвует в их интерпретации (и, следовательно, изменении). Детерминирующая роль группы, которую склонны подчеркивать некоторые представители этого течения (в частности, Роже Шартье), может поэтому, по мнению других его сторонников, сочетаться с признанием определенной свободы индивидуального выбора. Неслучайно некоторые авторы пишут о "возвращении" в рамках данного направления в историю "мыслящего и действующего субъекта", видя в этом даже определяющую черту науки нашего времени (26).

Практически все историки этого направления обращают специальное внимание на изменчивость форм самоидентификации и репре-

зентации изучаемых ими социокультурных групп во времени. Эта изменчивость увязывается не только (и не столько) с глобальной эволюцией общества, сколько с изменениями в конкретных условиях существования данной группы или индивида. Иначе говоря - в центре анализа не *longue duree*, но "короткое время" "прагматических ситуаций", позволяющее придать исследованию предельно конкретный характер (27).

Это однако не предполагает отказа сторонников этого течения от стремления к глобализующему подходу. По их мысли, самая установка на неразрывную связь социального и культурального подходов во многом обеспечивает осмысление целостности исследуемых объектов. Кроме того, подчеркивается, что к компетенции нового направления относится изучение и комплекса институтов, реализующих социально-культурные процессы (например, школы), и результатов этих процессов (например, продукции писателей, философов, художников), и, главное, форм функционирования культурных установок и представлений, выражающих сущность данной социально-культурной системы в целом (28). Более того. Исходя из признания интегрирующей функции исторического знания, "эссеистская тенденция" в нем (казалось бы, неизбежная при микроанализе) резко осуждается как косная и устаревшая (29). Но в то же время, возможность полноценного синтеза отодвигается в не слишком определенное будущее, когда удастся накопить необходимые аналитические данные (30).

Как видим, в сегодняшней культуральной истории обнаруживается ряд уже знакомых нам методологических веяний последнего времени, предполагающих пересмотр парадигм прежней исторической антропологии и родственных ей течений в демографической и социальной истории. Особое внимание уделяется социально-культурной практике отдельных микрогрупп и входящих в их состав индивидов; признается исключительная важность для исторического познания того, как именно в ходе этой практики интерпретируются культурные установления; наибольший интерес проявляется к конкретным жизненным ситуациям и "короткому времени". Иначе говоря, сходные мето-

дологические ориентиры обнаруживаются сегодня не только при просмотре существовавших в прошлом школ, но и во вновь возникающем направлении и притом независимо от своеобразия его конкретной проблематики.

В то же время в культуральной истории трудно не заметить преемственности с некоторыми подходами, давно сложившимися во французской науке. В первую очередь это выражается в общности "инструментов" исторического анализа. Одним из таких общих инструментов выступает анализ ментального мира и всего, что есть в нем невыговоренного или даже вовсе неосознанного, неосмысленного самими современниками, но оказывающего тем не менее на их поведение повседневное воздействие. К числу подобных же общих средств познания относится также анализ сферы символики. В ней — как и раньше — видят зашифрованный язык укоренившихся образов и представлений, позволяющий — при должном подходе — понять сокровенные устремления как целых групп, так и отдельных индивидов. Равным образом в культуральной истории — как и в историко-антропологических направлениях недавнего прошлого — существенную роль играет семантический анализ, при использовании которого широко мобилизуется плодотворный опыт Рейнгарда Козелека(31). Преемственность обнаруживается и в использовании подходов, акцентирующих своеобразие человеческой памяти: выявляя ее механизмы, исследователи разных исторических специальностей стремятся глубже понять осмысление прошлого в умах сегодняшних людей (32). И все это не говоря уже о том, что сторонники новой культуральной истории подчеркивают сохранение своего интереса к интегративному видению общества, характерному, как известно, для французской историографии со времен Марка Блока.

Неудивительно, что определенная часть французских историков критически отнеслась к заявляемой новизне этого научного течения. Критиковалась также размытость его познавательных границ, неопределенность целей, неоправданные претензии на всеохватность. Исходя из подобных аргументов, Жак Ле Гофф назвал в 1995г. всю современ-

ную культуральную историю (и не только французскую!) "пустой фразеологией"(33). Это не помешало составителям обзорного тома о развитии французской историографии за последние полвека (во Введении к которому Ле Гофф столь негативно оценил это научное направление), поместить специальную статью о достижениях культуральной истории(34). Не воспрепятствовала критика этого направления и публикации в 1997 г. своеобразного манифеста в его защиту("Pour une histoire culturelle")(35), как и развернувшейся подготовке четырехтомного обобщающего труда, охватывающего — в русле этого течения — все периоды французской истории.

На взгляд стороннего наблюдателя, методологическое своеобразие современной культуральной истории действительно нуждается в более глубоком осмыслении. Косвенно, это признают и сами ее вдохновители, когда называют ее "историей наподобие геометрии переменных — во многих смыслах этого понятия" (36): вряд ли вполне сложившееся научное течение в истории нуждалось бы в столь далеко идущих аналогиях с геометрией. Но независимо от этого, самый факт формирования и роста данного направления вряд ли можно недооценивать. Он подтверждает непреодолимую притягательность того общего тренда французской историографии, который был уже отмечен выше. Фактически, культуральная история выступает лишь как одно из частных его воплощений.

Показательно в этом смысле широкое использование в культуральной истории в качестве одного из ключевых эвристических инструментов понятия репрезентации. Встречающееся уже в анналистской "социальной истории культуры" 80-х годов — как и в отчасти противостоящей ей американской интеллектуальной истории постмодернистского толка(37) — оно выступает подчас как связующее звено разных современных течений(38). Во французской культуральной истории формы представлений разных человеческих групп об окружающем мире, как и формы их *самопредъявлений* этому миру — наряду с формами осмысления всех этих параметров в групповой и индивидуальной практике — рассматриваются в качестве стержневой проблемати-

ки(39). Обуславливается это в частности тем, что, по мысли сторонников данного направления, было бы наивным искать объяснение поведению общественных групп (и входящих в них людей), отправляясь от констант, заданных социальной структурой. "Общественные группы не подчиняются в своих действиях логике рационально оправданных интересов..."(40). Самое формирование таких групп и стратегия их поведения складываются в зависимости от их представлений о самих себе, т.е. от их "самоидентификации". Это и выводит на первый план анализ *культурной практики* каждой такой группы (и входящих в нее людей) в различных конкретных ситуациях.

На мой взгляд, во всем этом видится своего рода знамение времени: вместо объектного анализа глобальных структур, историк переориентируется на изучение конкретной групповой и индивидуальной практики; вместо рассмотрения индивида как "среднего члена" между противостоящими ему обществом и культурой, центральной категорией оказывается сам индивид, его конкретное восприятие, самопредъявление, его неповторимая субъективность, его единичный или даже уникальный выбор. Имплицитно, это выражает претензию на то, чтобы увидеть в истории не "мерную поступь" надиндивидуальных сил, но не знающую фатальной предопределенности борьбу конкретных людей или социальных групп; в центре внимания здесь совокупность уникальных ситуаций, в которых конкретная личность осознанно или неосознанно избирает линию собственного поведения(41). *Именно индивидные действия выдвигаются на первый план исторического анализа.*

Перспективен ли этот методологический сдвиг? Мыслим ли научно-верифицируемый анализ индивидных поступков? Нет ли здесь угрозы утратить целостное представление о прошлом? Подобными вопросами задаются многие исследователи - и во Франции и в России(42). Со своей стороны, позволю себе высказать лишь одно соображение. Не свидетельствуют ли непрекращающиеся споры вокруг этой проблематики о том, что жестко детерминированные, *монистические*, модели исторического познания недостаточны? Не обогатит ли историка возможно более широкое сочетание и социологических (массовых), и

культурологических познавательных приемов, со свойственным этим последним акцентом на единичном и уникальном? Плюралистичность подобного подхода, на мой взгляд, не создаст опасности эклектики, если будет учтена необходимость поиска в уникальном не только своеобразие данного конкретного феномена, но и специфики культурного универсума эпохи в целом(43). Исходя из этой парадигмы, ни одну эпоху истории нельзя понять без осмысления своеобразие, функций и места в ней индивида...

Еще одна из характерных черт культуральной истории - специальный интерес к политической проблематике. В этом нельзя было бы усмотреть какую-либо специфическую черту именно данного направления: во Франции последних лет политическая проблематика - едва ли не всеобщее увлечение (44). Подобный сдвиг выражает не только растущий интерес читающей публики к проблемам государственности, но и пересмотр взглядов французских историков на политическую историю, взглядов, сложившихся еще со времен Блока и Февра. По мнению, например, Ле Гоффа, вместо пренебрежения политической историей, ее следовало бы считать "становым хребтом" исторического анализа(45). Обо всем этом у нас уже писали(46). Гораздо меньшее внимание обращалось на существенное переосмысление самого предмета политической истории и на *связь этого переосмысления с методологическими сдвигами* во французской историографии.

Сами французские коллеги любят подчеркивать, что, в отличие от прошлой "политической истории", обозначаемой словами женского рода (Histoire politique), ныне изучается история "политики", как понятия, обозначаемого во французском языке существительным мужского рода (Histoire du politique)(47). Такое терминологическое уточнение отражает глубокое изменение проблематики. В современной историографии политические кризисы, реформы, столкновения - на втором плане. На первом же - история политической культуры и тех культурных феноменов, которые в тот или иной момент обеспечивают готовность людей подчиняться власти, терпеть политическое насилие

или даже славить деспота. Соответственно, исследуются смыслы политической власти в том или ином конкретном социуме, ритуалы и символика власти, укрепляющие ее (или наоборот используемые для борьбы с ней), разные по эффективности способы самоуправления власти. Главное внимание уделяется таким образом *истории представлений* о власти, свойственных разным микрогруппам, и *интерпретации* этих представлений в конкретной практике отдельных индивидов. Этот комплекс представлений и интерпретаций мог бы быть назван социокультурным способом властвования, типичным для того или иного периода (48). Он-то и составляет едва ли не основной предмет нынешней истории политики.

Однако специфика ее не только в изменении предмета исследования. Присмотримся ближе к познавательным подходам в этом научном направлении. Анализируя воздействие на людей той или иной эпохи укоренившихся в массовом сознании формул предьявления власти, исследователи политики фактически исходят из признания доминирующей роли традиционных лингвистических топосов, которыми эта власть описывается. Укоренившиеся формулы "прочтения" феномена власти рассматриваются при этом как средство культурного принуждения: они подавляют личностное сознание большинства современников, определяя линию их поведения и его мотивацию; высвобождение из-под традиционного истолкования этих формул оказывается возможным лишь для отдельных индивидов, способных интерпретировать их по-своему. Иными словами, исследуя лингвистические топосы предьявления власти, их бытование и попытки их индивидуальной интерпретации, французские специалисты по новой политической истории - хотя они того или нет - оказываются в русле разработок, связанных с широко известным "лингвистическим поворотом". В этом смысле новая политическая история оказывается своеобразной формой проникновения во французскую историографию идей и подходов постмодернизма, влияние которого здесь склонны недооценивать. А ведь последствия этого поворота для истории отнюдь не обязательно сводить лишь к релятивизации исторического знания. Например, уяснение роли риторики

господствующей власти для обеспечения необходимого ей имиджа - как и результатов нетрадиционного ее перетолкования отдельными индивидами - несомненно создает новые возможности для понимания политической эволюции.

Это однако ни в коей мере не противоречит широкому отражению в новой политической истории тех самых методологических тенденций, которые уже были отмечены выше в качестве характерных для современного этапа французской историографии в целом.

Есть в современной французской историографии и еще одна немаловажная особенность, заслуживающая специального внимания. Речь идет о расширяющемся использовании *нарративного жанра*. Его появление по-своему закономерно. Если исследователь осмысливает прошлое через историю социальной *практики*, т.е. через изучение *поступков* конкретных людей, ему приходится *рассказывать* о происходящем. Именно последовательное повествование позволяет проследить, как и почему тот или иной индивид избирает свой - более или менее нетрадиционный - вариант интерпретации групповых установок и как воспринимают такой поступок окружающие. Рассказ, как форма исследовательского дискурса, оказывается здесь средством описания конкретных жизненных ситуаций и имплицитно - *способом осмысления прошлого*. В рассказе прошлое как бы само собой обрисовывается в виде "взаимодействия реальных участников общественных процессов", а не в сциентистском дискурсе ("реализация надындивидуальных закономерностей") (49). Естественно, что это делает естественным и неизбежным специальное внимание не только к процессам и структурам, но и к событиям - политическим, внутрисемейным, личным - , к биографиям, к феноменам "короткого времени". Иными словами, жанр рассказа имплицитно предполагает особый методологический подход.

Растущее использование этого жанра в современных исторических исследованиях справедливо привлекает сегодня внимание ряда французских (и не только французских) специалистов (50). Естественно, что они задаются и вопросом о том, не означает ли использование

нарратива прямого отрицания подходов Блока и Февра, противопоставлявших, как известно, старую "рассказывающую" историю новой, интерпретирующей. Ответ на этот вопрос достаточно единодушен: жанр рассказа несет ныне принципиально иную нагрузку; он не утверждает единственность выявленного исследователем истолкования прошлого, но, наоборот, служит средством показать вариативность и самого прошлого, и, главное, его исследовательской интерпретации; используя нарративный дискурс, современный историк подчеркивает ограниченность своих амбиций: он не претендует на всеобъемлющее объяснение происшедшего; своей ближайшей задачей он считает выявление лишь некоторых версий осмысления прошлого, каковое в принципе не поддается однозначному истолкованию. По мнению французских историков, речь идет таким образом, не о "возвращении" к рассказу, но лишь об использовании его не востребуемых в прошлом ресурсах(51). Сходным образом подчеркивается своеобразие сегодняшних событийных исследований, в которых событие выступает не как эпицентр анализа (как в 19 в.), но как "увеличительное стекло для расшифровки глубинных структур"(52). Аналогично обосновывается и своеобразие все более широко распространяющегося биографического жанра(53).

Хотя все эти соображения о специфике современного обращения к жанрам рассказа, биографии и событийной истории справедливы, на мой взгляд, не стоит обходить вниманием еще один момент: в современной историографической практике использование этих жанров связано с изменением общих взглядов на задачи исторического познания. В еще большей мере, чем во времена Блока и Февра, историки задаются ныне целью не столько сравнивать напрямую прошлое и настоящее и человека нынешнего с человеком прошлого, сколько осмысливать неповторимость и *несоизмеримость* того и другого. Призывая своеобычность человека прошлого, его "право" быть не количественно, но качественно отличным от нас, мы претендуем ныне на диалог с ним "на равных": наше "преимущество" — лишь в нашей "внеаходимости", позволяющей задавать прошлому интересующие нас вопро-

сы(Бахтин). И нет ничего страшного в том, что на эти вопросы бывает продуктивнее искать ответы с помощью тех дискурсов, которые во времена Блока и Февра казались бесплодными или даже порочными. Во всяком случае, возвращение к этим жанрам — не "измена" прежним принципам, но неизбежное следствие изменения нас самих.

Подытоживая сделанные наблюдения, мне хотелось бы обратить внимание прежде всего на близость — или даже совпадение — подходов, обнаруживающихся во Французской историографии обозреваемого четырехлетия, с тем, что было свойственно предшествующему периоду конца 80-х — начала 90-х годов. Как я пытался показать выше, ревизия социальной истории, исторической антропологии и исторической демографии, происходившая во Франции в эти годы (а начавшаяся еще раньше), шла в том же направлении, что и методологические искания последних лет. Это побуждает считать 1994 — 1997 годы не столько самостоятельным этапом в методологическом развитии Французской историографии, сколько продолжением предыдущего.

Этот предшествующий период историографии, начавшийся во Франции еще в конце 80-х годов (или даже раньше), уже анализировался(54). О нем не без оснований говорили как о времени "критического пересмотра" прежних парадигм или даже как о времени растерянности, "эпистемологической анархии" и "кризиса".

Своеобразие последнего четырехлетия мне видится в нарастающем — хотя пока что и редко осознаваемом — сближении векторов методологического развития, характерном, как я пытался показать, для разных исследовательских направлений. Не предвещает ли это выход из состояния "растерянности и анархии" и начало нового этапа, предполагающего известное прояснение (или даже общность) позиций и тенденций? Действительно, по мнению некоторых французских ученых, апогей кризиса исторической науки уже позади и сегодня можно говорить о начале "фазы реконструкции"(55). Впрочем, вряд ли эта

фаза будет простой и короткой: даже наиболее авторитетные французские историки склонны подчеркивать сегодня не общность, но, наоборот, обособленность используемых ими путей. "Сегодня каждый работает в одиночку" - эту фразу произносят сегодня при обсуждении методологических установок и молодые исследователи, и многие маститые. Возможно, в ней звучит не только настороженность против былого диктата "школ", но и свойственное многим исследователям предубеждение против избыточного сциентизма в истории, способного угрожать ей дегуманизацией. И тем не менее, сближение в методологических ориентирах не может пройти бесследно; раньше или позднее, оно скажется на облике французской историографии.

По большому счету, такое сближение затрагивает сегодня не только Францию. Особенно это заметно как раз по отношению к тем современным методологическим тенденциям, о которых шла речь выше. Известно, например, что французская микроистория имела своих предвестников не только в самой Франции - в виде анализа так называемых *Faits divers*(56), но и в Англии (*Case Studies*), и в Италии (*Microhistorie*). Различия между этими школами несомненны, порой они становятся предметом специального внимания(57). Но не менее очевидна большая или меньшая общность этих подходов, выявляющая международный характер методологических сдвигов в сторону анализа социальной практики конкретных людей (а не абстрактных предпосылок глобальных изменений).

Такой же интернациональный характер носит и использование в исторических исследованиях уроков лингвистического поворота. Сформулированные по началу французскими философами и социологами (Жаком Деридом, Ж.-Л. Нанси, Ж. Ф. Лиотаром), идеи постмодернистской истории раньше всего нашли резонанс в США и Англии(58); теперь, как отмечалось, эти идеи получили отклик и во Франции (а также в Германии и Италии). Еще более заметна интернационализация подходов французской исторической антропологии, французской исторической демографии, не говоря уже о французской социальной истории. Свою вторую жизнь эти научные школы обрели практически во всех

развитых странах мира. При этом особенного внимания заслуживает, пожалуй, тот факт, что ревизия этих школ в самой Франции и падение здесь их престижа, не помешало ни заимствованию, ни распространению соответствующих познавательных установок, особенно в тех национальных школах, в которых существовала научная почва для их применения.

Нарастающая интернационализация исторической науки идет таким образом в первую очередь за счет методологической сферы, побуждая специалистов разных стран сосредотачиваться на решении сходных познавательных проблем. Разумеется, нельзя сбрасывать со счетов различие в научных традициях, в имеющихся наработках, в профессионализме и в прочих особенностях разных национальных школ. Но это в большей мере сказывается на "тактике", чем на "стратегии" методологического поиска. "Биполярность" исторической науки ("история марксистская" versus "история буржуазная") уходит в прошлое.

Все это делает в высшей степени актуальным для каждого профессионала осмысление мирового методологического опыта. Ясно, что это касается и российского историка, побуждая его осмысливать, в частности, опыт современной французской историографии. Предпринятый выше анализ - лишь одна из сторон процесса такого осмысления. Не менее важно уяснить те особенности современной российской историографии, которые могут наложить свой отпечаток на использование французского опыта и без учета которых трудно понять наиболее продуктивные пути его реализации. Ни в коей мере не претендуя на освещение всех подобных особенностей, ограничусь лишь несколькими предварительными соображениями по этому поводу.

Отмечу прежде всего несомненную важность для российского исследователя пристального внимания к повседневной социальной практике. Именно она позволяет конкретно увидеть активную роль отдельных людей, возможность для них не только воспроизводить сложившиеся групповые нормы поведения, но и принимать неординарные решения, обуславливающие в конечном счете альтернативность в ис-

тории. Нужно ли говорить, что некоторые традиции российской ментальности — в частности, представление об ограниченности возможностей "маленького человека" — придадут подобным подходам особую актуальность: как справедливо отметил недавно В. А. Муравьев, историографические акценты неотделимы от ментальных стереотипов(59).

Не менее плодотворным могло бы быть использование российским историком опыта современной французской истории политики. Анализ социокультурного способа властвования, укоренившихся формул предъявления власти, как и возможностей их индивидуальной интерпретации, мог бы существенно углубить историко-политические штудии, увеличить их научную и идеологическую актуальность.

Подобный анализ акцентировал бы в то же время важность исследований ментальной сферы, до недавнего времени не пользовавшейся вниманием в ряде отраслей отечественной науки. Особенно важным было бы при этом учесть накопленные во французской исторической антропологии данные об изменчивости массовой ментальности, о различиях картины мира в разные периоды и в разных социальных группах. Разумеется, нельзя было бы при этом игнорировать критические замечания в адрес французской школы, о которых шла речь выше: ментальные стереотипы не способны детерминировать поведение всех и каждого, они — лишь фундамент индивидуальных интерпретаций, складывающихся в разных конкретных ситуациях.

Все это отнюдь не требует отказа от традиционного для российской историографии внимания к глобальным социальным структурам. Разумно было бы задуматься лишь над изменением ракурса их изучения. Вместо того чтобы рассматривать их как противостоящие человеку, акцент мог бы быть перенесен на то, чтобы увидеть, как преобразуются импульсы этих структур в восприятии конкретных людей. Их опыт — во всем его социальном и индивидуальном многообразии — служит историку средством осмыслить инаковость других миров и свою собственную инаковость.

Как видим, российскому исследователю ни одну из парадигм сов-

ременной французской историографии не следовало бы просто отбросить. Почти все подходы французской исторической антропологии, демографии, социальной истории, культуральной истории, истории политики в том или ином смысле поучительны. Они не часто поддаются прямому заимствованию. Но едва ли не каждый из них содержит в себе познавательный опыт, заслуживающий творческого использования в историографической практике.

1. Не случайно на устах многих историков одно и то же слово - "кризис". Впрочем, подразумевают под ним далеко не всегда одно и то же. Иногда под ним имеют в виду "кризис роста" исторического знания (Jacques Le Goff. La nouvelle histoire, P., 1988, p. 108; idem et Nicola Rousellier. Introduction. La "crise"? // L'histoire et le metier d'historien en France 1945-1995. P., 1995; Youri Bessmertny. Crise des "Annales" // Rivista di Storia della Storiografia Moderna, 1993, N 1-2; Лоуренс Стоун. Будущее истории. \\\ THESIS, 4, М., 1994, с. 160-175; А. О. Чубарьян. Пребывает ли история как наука в кризисе? \\\ Таис, 1, 1997); в других случаях его употребляют для обозначения глобального кризиса истории как науки (см. обзорную статью: В. М. Мучник, И. Ю. Николаева. От классики к постмодерну: О тенденциях развития современной западной исторической мысли \\\ К новому пониманию человека в истории. Томск, 1994, с. 20 и след.; Габриель Спигель. К теории среднего плана: историописание в век постмодернизма \\\ Одиссей 1995, с. 211-220); есть и такие работы в которых кризисом именуют вторжение в историю якобы неадекватных ей философских парадигм, препятствующих использованию "специфически исторических" (экспертных) критериев достоверности (Gerard Noiriel. Sur la "crise" de l'histoire. P., 1996)

2. Споры о главном. Дискуссии о настоящем и будущем исторической науки вокруг французской школы "Анналов". Отв. ред. Ю. Л. Бессмертный. М., 1993; А. Я. Гуревич. Исторический синтез и школа "Анналов". М., 1993.

3. Henri Berr. La synthese en histoire, essai critique et theorique. P., 1911

4. Michel Vovelle. Histoire serielle ou "case studies" \\\ Histoire sociale, sensibilites collectives et mentalites. P., 1985; Jacques Revel. Micro-analyse et construction du social \\\ Jeux

d'Echelles. La micro-analyse à l'expérience. P., 1996; Robert Castel. Sociologie: perspectives \\\ Une école pour les sciences sociales. P., 1996, p. 317; Francois Bédarida. La dialectique passé/présent et la pratique historique // L'histoire et le metier d'historien en France 1945-1995, p. 80

5. Магнитопись беседы хранится в архиве автора.

6. Bernard Lepetit. Histoire des pratiques, pratique de l'histoire // Les formes de l'expérience. Une autre histoire sociale. P., 1995; idem. L'histoire prend-elle les acteurs au sérieux? // Espaces Temps. 1995. N 59-61; Jacques Revel. Présentation // Jeux... p. 9-10; Nicola Dodier. Les sciences sociales face à la raison statistique // Annales. HSS, 1996, N2

7. Эдуардо Гренди. Еще раз о микроистории \\\ Казус-1996. Индивидуальное и уникальное в истории. М., 1997; Jacques Revel. Présentation, p. 7-14

8. О французской микроистории - кроме работ, названных в примечаниях 4 и 6-7, - см. также: Bernard Lepetit. De l'échelle en histoire // Jeux... p. 71-94; Paul-Andre Rosental. Construire le 'macro' par le 'micro': Fredrik Bart et la 'microstoria' // ibid., p. 141-160.

9. Кроме уже приведенных примеров, см. редакционную статью "Анналов" в N 5, 1997, p. 966-967

10. См. подробнее: Ю. Л. Бессмертный. Что за "Казус"? \\\ Казус-1996, с. 15-16

11. А. Я. Гуревич. Исторический синтез..., с. 190-295; Споры о главном..., с. 3-50; Е. М. Михина. Введение составителя. История

ментальностей и историческая антропология. М., 1996, с. 5-17

12. Я не останавливаюсь здесь на проблеме соотношения истории ментальностей и исторической антропологии (см. Е. М. Михина. *Цит. соч.*, с. 7-8). Отмечу лишь высказанную не так давно А. Бюргером точку зрения, согласно которой историческая антропология может рассматриваться как завершение (*l'aboutissement*) истории ментальностей именно в той ее форме, которую исповедовал Марк Блок, т.е. в форме истории массовых представлений (*Andre Burguiere. L'anthropologie historique et l'Ecole des Annales // La Conférence à Centre Marc Bloch, Moscou, 1995*). Представление об исторической антропологии как высшем этапе изучения истории ментальностей свойственно и другим исследователям, см. например, Jacques Le Goff et Jean-Claude Schmitt. *L'histoire médiévale // La recherche sur le Moyen age à l'aube du XXI-ème siècle. Cahiers de civilisation médiévale. 1996, Janvier-Juin, p. 14.*

13. Alain Boureau. *Propositions pour une histoire restreinte des mentalités // Annales. ESC, 1989, n 6, P. 1491-1504; Carlo Ginzburg. Signes, traces, pistes: racines d'un paradigme de l'indice // Le Débat. P., 1980, N 6, p. 10-20*

14. Lawrence Stone. *Retour au récit, ou réflexions sur une nouvelle vieille histoire // Le Débat. P., 1980, N 4, p., 116-142; Mentalitätengeschichte. Hrsg. von Ulrich Raulf. /W/Berlin, 1987; Mentalitäten im Mittelalter; metodische und inhaltliche Probleme. Sigmaringen, 1987*

15. Магнитозапись бесед - в архиве автора.

16. Об этом говорил в беседе со мной 2 июля 1997 г. директор Высшей школы социальных исследований в Париже Жак Ревель.

17. В. В. Самаркин. *Историческая демография западноевропейского средневековья // ВИ, 1977, N 2 ; Д. К. Шелестов. Демография: история и современность. М., 1983; Ю. Л. Бессмертный. Историко-демографические процессы в Западной Европе 16-18 вв. в современной науке // Историческая демография. Отв. редактор Ю. А. Поляков. М., 1989; он же. Историческая демография западно-европейского средневековья и начала нового времени. Характерные тенденции развития // Современная зарубежная немарксистская историография. Отв. ред. В. Л. Мальков. М., 1989*

18. Ю. Л. Бессмертный. *Новая демографическая история // Одиссей-1994. М., 1994.*

19. Patrice Bourdelais. *Pour un renouvellement de la démographie historique // Annales de démographie historique- 1996. P., 1996*

20. В. М. Мучник и И. Ю. Николаева. *Цит. соч.*, с. 19 и след.; Jean-Yves Grenier, Bernard Lepetit. *L'expérience historique: à propos de C.-E Labrousse // Annales E.S.C., 1989, N 6; Bernard Lepetit. Histoire des pratiques... p., 10-16; "Tentons l'expérience" // Annales E.S.C., 1989, N 6;*

21. См. работу Лепти, цитированную в прим. 6.

22. Krzysztof Pomian. *Histoire culturelle, histoire des sémiophores // Pour une histoire culturelle. P., 1997, p. 73-97*

23. Antoine Prost. *Sociale et culturelle, indissociablement // Ibid., p. 143-145.*

24. См. редакционную статью в *Annales. HSS, 1997, N 5, p. 964*

25. A. Prost. *Op. cit.*, p. 138-139; cf. Reinhardt Koselleck. *Le*

futur passé. P., 1990. p.99-18

26. Jean-Pierre Rioux. Un domaine et un regard // Pour une histoire culturelle, p.11; Jean-Francois Sirinelli. Eloge de la complexité // Ibid., p. 437

27. J.-P. Rioux. Op. cit., p.12; J.-F. Sirinelli. Op. cit., p. 438

28. Michel Sot, Anita Guerreau-Jalabert et autr. L'étrangeté médiévale // Ibid., 168; J.-F. Sirinelli. Op. cit., p.429, 433

29. Редакционная статья в Annales.HSS, 1997, N 5, p.966

30. B.Lepetit. L'histoire prend-elle..., p.121

31. A. Prost. Op. cit., p.139

32. J.-P. Rioux. Op. cit., p.16

33. J. Le Goff et N.Roussellier. Introduction. Les vecteurs du renouvellement // L'histoire et le métier..., p.16

34. J.-F. Sirinelli et M.Sot. L'histoire culturelle // Ibid., p.339-350

35. Я уже не раз цитировал его- см. примеч.22 и след.

36. J.-P. Sirinelli et M.Sot. Op. cit., p.347

37. Roger Chartier. Redéfinition de l'histoire culturelle. Le monde comme représentation // Annales. ESC, 1989, N6, p.1511; idem. L'histoire aujourd'hui: doutes, défis, propositions // Historia a debate. Santiago de Compostela, 1995, p.126; cp.

Л.П.Резина. Вызов постмодернизма и перспективы новой культурной и интеллектуальной истории // Одиссей-1996

38. J.Le Goff et J.-Cl. Schmitt. Op.cit., p.13: "...le terme 'représentation' est devenu l'un des concept clefs des sciences sociales aujourd'hui"

39. J.-P.Rioux. Op.cit., p.16; M. Sot, A. Guerreau-Jalabert et autr. Op.cit.,p.170; J.-P. Sirinelli et M.Sot. Op. cit.,p.346

40. A.Prost. Op.cit.,p.135

41. Ср. Б.М.Гаспаров. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М.,1996, с.10 и след.

42. Одна из возникающих здесь проблем - мыслимо ли совместить научное изучение индивида, с одной стороны, и больших целостностей, с другой; в плане познавательном, исследователь оказывается здесь перед лицом классической апории; встает задача искать способы возможного сближения ее полюсов. См. об этом: B.Lepetit. Le Présent de l'histoire...,p.280 et suiv.; idem. La société comme un tout // Historia a debate...,p.147-157; Г.С.Кнабе. Общественно-историческое познание второй половины 20-го в. и наука о культуре // Г.С.Кнабе Материалы к лекциям по общей теории культуры и культуре античного мира. М.,1993,с. 157-170; см. также: Carlo Ginzburg. Micro-historie // Historische Anthropologie, 1993, N 1, S.183-184;

43. Л.М.Баткин. Леонардо да Винчи. М.,1990, с. 22; В.М.Мучник, И.Ю.Николаева. Цит. соч., с.45

44. Bernard Guenée et Jean-Francois Sirinelli. L'histoire politique //L'histoire et le métier...,p. 301-312; René Rémond

Pour une histoire politique. P., 1988; J. Le Goff et J.-Cl. Schmitt. Op. cit., p.19 et suiv.; Marc Abélès. Anthropologie du politique. P., 1997;

45. Жак Ле Гофф. Является ли все же политическая история стеновым хребтом истории? \\\ Thesis, M., 1994, N4

46. Политическая история на пороге XXI века. Традиции и новации. Отв. ред. Л.П.Репина. М., 1995; Ю.Л.Бессмертный. Некоторые соображения об изучении феномена власти \\\ Одиссей-1995; он же. Новые подходы к политической истории \\\ Форум, М., 1994

47. См. напр., J. Le Goff et J.-Cl. Schmitt. Op. cit., p.20.

48. См. подробнее: Ю.Л.Бессмертный. Некоторые соображения..., с.15-16.

49. Jacques Revel. Ressources narratives et connaissance historique // Enquête. Anthropologie, histoire, sociologie. Marseille, N 1, 1995, p.65-66

50. Проблема нарратива имеет сегодня весьма обширную историографию. К числу классических относятся книги Поля Риккёра, Мишеля Серто, Хайдена Уайта. Я уже упоминал посвященные этой же проблематике статьи Л.Стоуна и К. Гинцбурга (примеч. 13-14). Специальный интерес к этому сюжету отличает созданный во Франции в 1995 г. журнал "Enquête".

51. J. Revel. Ressources..., p. 66-70.

52. J.-Fr. Sirinelli. Eloge de la complexité, p.439.

53. Jacques Le Goff. Saint Louis. P., p.19 et suiv.

54. Ю.Л.Бессмертный. "Анналы": переломный этап? \\\ Одиссей-1991; Christian Delacrois. La falaise et le rivage. Histoire du "tournant critique" // EspaceTemps, N 59-61, P., 1995

55. Таково в частности мнение Ж.Ревеля, высказанное им в беседе, о которой я уже упоминал (см. примеч.16)

56. Fait divers, fait d'histoire // Annales ESC, 1983, N4

57. Э.Грендию. Еще раз о микроистории... с.292-300; J.Revel. Presentation..., p.13-14; C.Ginzburg. Microhistoire...;

58. См. Жак Деррида в Москве: деконструкция путешествия. М., 1993

59. В.А.Муравьев. Левиафан и Иона в России: прерасположена ли российская историографическая традиция к антропологически ориентированной истории \\\ Историческая антропология: место в системе социальных наук, источники и методы интерпретации. М., 1998, с.42-44.